

УДК 316.733

Шепотько Л.В.
Shepot'ko L.V.

Социокультурная специфика России и модернизация

The socio-cultural specifics of Russia and modernization

Автор, анализируя опыт российской модернизации, причину циклических срывов модернизационных процессов, объясняет социокультурными ограничениями, т.е. наличием мощного пласта традиционализма в России.

Ключевые слова: модернизация, традиционализм, социокультурная модернизация, политическая нация, элита, постиндустриальное общество

The author analyzes the Russian experience in modernization and explains the reasons for cyclic failures of modernization processes in Russia by social and cultural restrictions, i.e. by presence of a powerful traditionalism layer.

Key words: modernization, traditionalism, political nation, elite, postindustrial society

В условиях быстро глобализирующегося мира остро встаёт вопрос о том, какую роль сможет занять Россия на международной арене. Ответ на него напрямую связан с успешностью завершения процессов модернизации. В последние годы всё большее число исследователей из разных областей знания начинают работать в рамках модернизационной парадигмы. Экономические аспекты этой проблематики раскрываются в работах О. Бессоновой, Н. Зарубиной, Ю. Латова, Н. Плискевич, Г. Явлинского, Е. Ясина и др. Применительно к анализу этнополитических процессов в рамках этой парадигмы работают Э. Паин и Л. Дробижева, с изучением модернизации социокультурной сферы связаны, прежде всего, имена А. Ахиезера, Т. Заславской, С. Кирдиной, Н. Лапина, Н. Тихоновой, демографическими аспектами модернизации занимаются А. Вишневский, С. Захаров и др.

При этом логика соответствующих исследований в России такова, что центр внимания постепенно смещается к проблемам социокультурной модернизации, где всё большее число учёных начинают усматривать причину торможения экономических и политических реформ. В научных дискуссиях по этой проблематике часто звучит предположение о первичном характере социокультурной модернизации по отношению к состоянию таких сфер, как экономика и политика.

В ходе идущих сейчас споров о возможности осуществления модернизации в России без «ренессанса фундаментализма», муссируется тезис,

ШЕПОТЬКО Людмила Владимировна, к.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток). **E-mail:** Ludmilash54@yandex.ru

что Россия – особая цивилизация, которая развивается своим путём. Но это не снимает вопрос о том, что же в реальности характеризует эту цивилизацию как на уровне ценностей, норм поведения её представителей, так и на уровне функционирования во многом взаимообусловленных этими ценностями и нормами институтов. Неясным при такой общей посылке остаётся и то, что в ценностях и нормах современных россиян идёт от особенностей цивилизации, а что от специфики прошлого развития (в частности, от того, что экономическая модернизация в России XX в. проводилась при опоре на социокультурный традиционализм) [2].

Понятие «модернизация», широко употребляемое сегодня, было введено лишь в 1950-х гг., а в основе концепции модернизации лежат идеи К. Маркса, М. Вебера, О. Конта, Г. Спенсера об особенностях перехода от аграрного к индустриальному обществу и различиях этих обществ. Под понятием модернизации, при всём многообразии его трактовок, подразумевается тот скачок в социетальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого ранее аграрные, традиционные общества становятся современными, «модернизированными». В понятие модернизации в этом случае включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, секуляризации, смены демографического поведения и т.д. И хотя характеристики сути этого перехода и определение самого модернизированного общества как результата процесса модернизации у разных авторов различны, многие его черты значимы для всех, кто занимался этой проблематикой.

Проблема модернизации России имеет длинную историю. Наша страна первой из стран Востока приступила к модернизации. В её истории просматривается пять самостоятельных вариантов модернизации. Это модернизация Петра I первой четверти XVIII в., Александра II второй половины XIX в., П.А. Столыпина начала XX в., Сталинская или социалистическая модернизация и современная конца XX начала XXI в. (под чьим именем она войдёт в историю покажет будущее). Исторические особенности осуществления первых четырёх вариантов показаны в работе Л.И. Семенниковой [7], а именно, противоречивость, цикличность, фрагментарность и незавершённость.

Даже ограниченная обзор подходов к объяснению особенностей проведения модернизации в России, историки всё равно оказываются в безбрежном море идей, которые придётся весьма огрублено и в чём-то произвольно объединить в несколько групп. В результате этих обобщений выделяются лишь некоторые специфические характеристики российской модернизации.

Догоняющая (верхушечная или мобилизационная) модернизация. Побудительным мотивом такой модернизации является осознание элитами актуального отставания страны, чаще всего в условиях проигранных ею войн или перед лицом угроз вражеского нашествия. Именно при актуализации угроз существованию страны чувство опасности охватывает элиты, побуждая их к реформам. Однако узость социальной базы реформирования делает его крайне неустойчивым: как только элиты усматривают угрозы своим интересам, они останавливают обновление. Народ обычно воспринимает такой процесс обновления страны как внешнее, инородное, навязанное явление, поэтому верхушечные реформы всегда сменяются взрывом традиционализма. Данный тип реформирования страны утвердился в России, начиная с Петра I [9]. В определении российской модернизации как «догоняющей» проявляется, прежде всего, её незавершённый, фрагментарный характер.

Неравномерная модернизация. Это также весьма популярная характеристика, используемая при оценке модернизации в России. Помимо узости социальной базы реформ, они были также узки и по зоне

охвата общественной жизни, ограничиваясь достижением быстрого экономического роста в сферах, главным образом связанных с повышением обороноспособности страны. Временные прорывы в области экономики не уменьшали общий уровень отсталости страны. Такая модернизация требовала мобилизации ресурсов всех видов, прежде всего человеческих. Это вело не только к прямым демографическим потерям в ходе осуществления таких принудительных экономических проектов, как индустриализация в форме великих «строек» силами заключённых или коллективизация, сопровождавшаяся голодом и вымиранием, но и к долговременным демографическим потерям, связанным с закреплением в массовом сознании низкой ценности человеческой жизни. Во многом именно этим объясняется нынешний демографический кризис в России [1].

Советский дискурс модернизации в большей мере, чем западный, культивировал идею научно-технического прогресса. Достаточно вспомнить известный лозунг: «Коммунизм = советская власть + электрификация всей страны». Но идея научно-технического прогресса отрывалась от своей естественной основы – эмансипации личности и поощрения свободы научного творчества. В результате научно-технические достижения становились достоянием преимущественно оборонной сферы, не распространяясь на самые широкие области жизни страны, включая народное хозяйство. Именно фрагментарность научно-технического развития и его отрыв от роста человеческого капитала может иметь наиболее драматические последствия для России сегодня по мере её перехода к постиндустриальному варианту модернизации.

Все приведённые характеристики модернизационных трансформаций не противоречат друг другу и могут быть использованы в качестве объяснения цикличности российского пути развития как «бега по кругу». Сама идея извечного движения по кругу противоречит сути теории модернизации, которая во всех своих версиях предполагает возможность прогресса. Это подтверждает мировой опыт. Так страны, на периферии Римской империи, стали впоследствии лидерами европейской модернизации. Многие другие государства, включая те, что сегодня входят в число наиболее развитых, в своё время были в роли «догоняющих». Попытки же найти ответ на вопрос, что мешает России преодолеть силу сопротивления догоняющей модели развития, на мой взгляд, приводят нас к проблеме способов осуществления модернизации.

С точки зрения способов осуществления, можно утверждать, что России присущи два вида модернизации. Либеральные модернизации, которые обычно не завершаются и бывают малоэффективными, и авторитарные, которые, с моей точки зрения, бывают квазиэффективными – они дают быстрый и резкий эффект, а потом обратный откат. При этом понятно, что либеральная модернизация – вроде бы приглашение общества к участию в модернизации, но почему-то это участие оказывается неэффективным; а авторитарная модернизация – отказ, запрет для участия общества в модернизации, но при этом неучастие общества даёт эффект отката.

Явно просматривающиеся в истории страны модернизационные циклы сделали в последние годы достаточно популярной теорию зависимости от предшествующего развития. Главное, на мой взгляд, состоит в том, что в России по-прежнему существует мощный пласт традиционализма, в основе которого – особенности русского национального самосознания. И вся история модернизации не может быть понятой без учёта этого факта.

Сегодня много говорят о русской национальной идее. Представляется, что никакой русской идеи не существует, а есть черты русского

национального характера, которые в основном сформировались ещё в условиях Московского царства под влиянием целого ряда факторов

Влияние природно-климатического фактора на жизнедеятельность человека и различные формы общественного бытия признано в науке ещё со времён французского Просвещения. В русской исторической науке много внимания этому фактору уделили С. Соловьёв и его последователи. Вышедшие в последние годы работы Л.В. Милова могут рассматриваться как появление новых тенденций в изучении данной проблемы [4].

Влияние природно-климатических условий состоит в том, что в условиях своей повседневной деятельности человек приспосабливается к обычной для него природной среде, вырабатывая при этом определённые стереотипы поведения и навыки, задающие контуры национального характера. Скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая почти круглосуточной тяжёлой и быстрой физической работы, за многие столетия сформировала в крестьянстве трудолюбие и быстроту в работе, способность к наивысшему напряжению физических и моральных сил. Русские крестьяне период весенне-полевых работ всегда называли «страдой», т.е. периодом физических страданий: «где пахарь плачет, там жнея скачет», «день летний год кормит», «не сможешь – не осилишь, не надорвёшься – не поможешь» и т. п. [6]. Трудолюбие русских крестьян сопутствовали такие черты характера и психологии, как «проворность», «расторопность», «поворотливость». Эти черты воспитывались с детства. Однако не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность формировались под влиянием природно-климатического фактора, но и другие противоположные черты поведения. Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определённого скепсиса по отношению к собственным усилиям. Это вырабатывало такую поведенческую особенность русского крестьянства, как небрежность в работе, отсутствие пунктуальности и тщательности. И хотя эти настроения затрагивали лишь часть крестьянства, они были заметным явлением. В крепостную эпоху они были свойственны, прежде всего, барщинному крестьянству, т.е. той категории населения страны, которая в условиях жесточайшей нехватки рабочего времени вынуждена была в первую очередь работать на барина.

В среде крепостного крестьянства формировалась ещё одна черта ментальности русского человека: пассивное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи. Всё это формируется в условиях, когда вместо 1 – 1,5 дес. более или менее тщательной вспашки он вынужден (и барин понуждает к этому) пахать вдвое, втрое больше, причём там, где нужно вспахать 3 – 4 раза, он вынужден пахать 2 раза, а то и вовсе единожды. Одно сознание столь вынужденной небрежности может привести, в конце концов, к нервному срыву, ожесточению, отчаянию. Приходится только удивляться, что количество равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся, было не столь уж велико. Важнейшую роль в этом играли могучие стереотипы традиционной крестьянской общинности. Тяжкие природно-климатические условия заставляли российского крестьянина в течение долгих столетий дорожить общиной как нормой социальной организации. Сам тип русской ментальности на протяжении весьма длительного периода истории отличался явным приматом «общинного» над «частным». Ведь даже в сравнительно поздний период истории индивидуальное крестьянское хозяйство было слишком неустойчивым. Оно часто гибло под ударами природной стихии. Вполне естественное желание земледельца вести личное

хозяйство в крестьянине соседствовало с тенденцией к коллективизму, взаимовыручке, взаимопомощи. Это свойство менталитета русского крестьянина пронизывало многие стороны его труда и быта, народное творчество, празднества. Способность признавать «общее» более важным, чем «частное» (отнюдь не отвергая последнее), имела громадное значение в истории народа. Наряду с такими производственными качествами, как доброта, отзывчивость, долготерпение, трудолюбие, она на протяжении столетий составляла главную особенность русского менталитета.

Особое влияние на формирование русского национального самосознания оказало православие. В исторической науке впервые много внимания роли православия в русской истории уделили славянофилы. Методологическая постановка проблемы фактора православия в русской истории дана в статье И. Яковенко [10].

В православии слабее, чем в западном христианстве, выражена идея прогресса. Первоначально христианский символ веры был сформулирован на основе Евангелий (Новый Завет). В дальнейшем западное христианство, расширяя символ веры, включило в него и положения Ветхого Завета. Русское православие ориентировано, прежде всего, на Евангелия. А идея прогресса наиболее ярко выражена в Ветхом завете. Религиозные деятели, приверженные классическому русскому православию постоянно подчёркивали, что идеал православия есть не прогресс, но преображение. Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперёд в одной и той же плоскости. Новый Завет говорит о преображении естества и о движении и вследствие этого не вперёд, а вверх, к небу и Богу.

Русское православие ориентировало человека на иное понимание целей жизни, т. к. стимулировало стремление к самосовершенствованию, духовному преображению, приближению к христианским идеалам. Это способствовало появлению такого феномена, неизвестного западному миру, как духовность.

Чертами русского национального самосознания, несущими печать религии, являются, во-первых, соединение характерной для Востока духовности, что выражено в православии, со стремлением к прогрессу, свободе, характерными для Запада. Отсюда проистекает стремление всех спасти. На меркантильный Запад принести духовность, на жестокосердечный Восток – христианское милосердие. Эта черта на массовом уровне давала оправдание завоевательной политике России. Во-вторых, коллективизм, слабо выраженное личностное сознание, что во многом связано с соборным представлением о мире. В соответствии с положениями православия, мир многогранен, но гармоничен. Если что-то разъять в этой гармонии, мир умрёт, гармония погибнет. Соборность не просто коллективная общность, а духовное единение, единство нации в вере, вере православной. Если в Европе, в протестантизме вера толкала человека к активности, поскольку это было залогом индивидуального спасения, то в России спасение могло быть только коллективным во главе с православным царём. В-третьих, в православии более ярко, чем в западном христианстве выражена идея социального равенства. Собственность у русских не священна. В православной культуре принято благоговеть перед духовными святынями, а поклонение материальным ценностям не приветствуется. Что такое собственность, как не золотой телец? А что такое золотой телец как не идол? Но если идол обожествлён, следовательно, истинного бога нет. Частная собственность у русских не абсолютизируется, т. е. отношение к собственности связано с её происхождением. Известное изречение Веспасиана «деньги не пахнут» в нашей культуре не работает. Здесь деньги пахнут и немаловажно пахнут они трудовым потом или нечестной наживой. «От трудов праведных, не наживёшь па-

лат каменных», – говорит русская пословица.

Православие осуждало накопительство, жажду наживы. На Западе много говорят о социальной справедливости, но когда говорят о своих знакомых – богатых, то всегда с почтением. А у нас: будут ли говорить с уважением и почтением о богатом человеке? Отношение к богатству на психологическом уровне основано на глубинной установке на богатство как на антиидеал.

Таким образом, национальное самосознание в России тесно связано с православием.

На формирование русского национального самосознания оказало влияние и монголо-татарское завоевание. Роль монголо-татар в формировании быта, нравов, менталитета основательно представлена в много-томном Курсе русской истории Е. Ф. Шмурло [8].

Свыше чем двухвековое общение с татарами привело к тому, что целые поколения росли в сознании своего рабского состояния. Утрачивалось чувство самоуважения, чувство личного достоинства уступало место раболепному преклонению. Страх за своё существование, неуверенность в завтрашнем дне породили угодничество, пресмыкание перед грубой силой.

Гнёт татарского ига воспитал рабское чувство низших перед высшими, заглушил чувство законности и нравственного долга и силу поставил выше закона. С потерей уважения к самому себе не могло быть места и уважению к ближнему.

Модернизация, проводившаяся в России в XVIII, XIX вв. как вестернизация, непоследовательно и противоречиво усиливала антибуржуазные традиции русского народа. Проблема влияния модернизации на изменение психологии русского народа показана в фундаментальном двухтомном труде Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» [5].

Общинные представления о правильной и справедливой организации жизни тормозили развитие инициативы и индивидуализма, препятствовали росту эффективности труда, культивировали неприятие понятий буржуазной и государственной пользы и выгоды. Достаток понимался как удовлетворение скромных материальных потребностей; богатство считалось аморальным и нажитым не по совести, в ущерб другим; земля воспринималась не как объект собственности, а как условие труда, на которое имеет право каждый, её обрабатывающий; перед Богом и царём все равны, а в благополучии и в беде видели ниспосланный Богом дар или наказание.

Далёкой от принципов буржуазности была и общинная трудовая этика. Согласно этой морали трудиться нужно умеренно («Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи», «Работа не волк – в лес не убежит»), а накопление, чрезмерное усердие не считалось богоугодным делом («У Бога дней впереди много – наработаемся»). Невероятно, но оказывается, нерабочих, в том числе праздничных дней, в 1850-е гг. было соответственно 230 и 95 дней, а в 1902 г. – 258 и 123 дня!

Стереотипы и стандарты сознания крестьян передавались и городским низам. Мигранты из деревни сопротивлялись проникновению в свою среду светской, буржуазной культуры, защищали привычный уклад. Следствием модернизации была экспансия крестьянской субкультуры, о масштабах которой можно судить хотя бы потому, что с 1858 г. по 1897 г. численность крестьян-горожан возросла в 4,6 раза. В Петербурге и Москве доля крестьян-мигрантов достигала в 1897 г. 70 %, удельный же вес коренных горожан резко уменьшался. Формирование буржуазного менталитета тормозилось тем, что мигранты, не успевая «перевариться» в городской среде, приносили в неё деревенские стан-

дарты поведения. В мегаполисах, куда направлялся их основной поток, грамотность росла медленнее, чем в малых городах; существенно снижался возраст вступления в брак. Значительное воздействие крестьянский менталитет оказывал на рабочий класс, который в последней трети XIX в. на 80 % рекрутировался из деревенских мигрантов. Модернизация, ассоциировавшаяся с тяжёлым трудом, отрывом от родины и семьи, подталкивала к мечтаньям о переустройстве города и промышленности по модели сельской общины. И, кстати, здесь можно усмотреть истоки успеха социал-демократических идей (насильственная экспроприация имущества и его передача рабочим, введение рабочего контроля, власти советов и др.), весьма точно отражавших установки крестьянского массового сознания, адаптированного к городским условиям.

В начале XX в. незавершённость социальной модернизации выражалась в том, что глубинной установкой менталитета интеллигенции, «среднего класса», была так же антибуржуазность, в то время как именно они, должны были выступать носителями буржуазного сознания. Результаты анализа публиковавшихся в 1870 – 1913 гг. в журнале «Нива» биографических статей, заметок, некрологов, посвящённых российским предпринимателям, свидетельствуют о непопулярности буржуазного типа личности, о неприятии таких базовых ценностей, как богатство, слава, личный успех. Антибуржуазностью страдала в начале XX в. и учащаяся гимназий. Среди «литературных идеалов» как объектов подражания «богачи» занимали последнее, 26-е место. Интересно, что и у самого класса предпринимателей отсутствовало буржуазное сознание. Представители нарождающейся в России буржуазии заметно отличались по облику, характеру, манерам поведения от коллег из Западной Европы. Например, длительное время для купечества идеалом оказывалось не последовательное приумножение капитала и развитие производства, а в первую очередь шикарная жизнь с подражанием богатым дворянам. Подчас предпринимательской активности хватало, чтобы стремительно разбогатеть, – второе же поколение проматывало российский капитал, а третье – окончательно разорялось.

Очень важно отметить такую тенденцию, сформировавшуюся под влиянием модернизации, как раскол общественного сознания русского народа на две части. Процессы модернизации протекали у всех сословий асинхронно, поэтому они находились на разных стадиях социального развития и организации. В начале XX в. только дворянство и интеллигенция полностью прошли процесс социальной модернизации, обладали светской субкультурой, жили по законам современного гражданского общества. Развитие индивидуальной личности достигло в их среде уровня, при котором люди ощущают себя самодостаточными и автономными от любых коллективов (община, семья, корпорация), психологически готовы к любым переменам и разделяют концепцию прогресса. Большая же часть общества медленно усваивала новые модели поведения, фактически «варилась в собственном соку», существуя в рамках своей субкультуры.

Анализ истории России показывает, что это весьма нединамичная страна по имманентным характеристикам. Она всегда развивалась экстенсивно. Но три века российской модернизации полностью исчерпали возможности экстенсивного роста. Крах советского проекта был обусловлен тем, что коммунистический строй так и не смог провести российское общество через порог, разделяющий экстенсивную и интенсивную стратегии исторического бытия. Величайшее достижение советской эпохи состояло в том, что она окончательно уничтожила традиционную русскую деревню. Источник имманентно-статистического человеческого материала кончился к 1970-м гг. Но урбанизированный советский человек – не

тот человек, которого мы знаем по зарубежной урбанизации. Традиционный крестьянский мотив перешёл на новую урбанистическую почву и тормозит движение [2].

В начале XX в. стало ясно, что крестьянин, выброшенный из сельской общины в город, становится атомизированным индивидом, к социальной самоорганизации не предрасположенным. Инерция же общинного коллективизма нередко проявлялась в повышенной склонности к созданию или пополнению локальных городских общностей криминального или полукриминального типа. Общинный коллективизм не содержит культурных предпосылок для трансформации в добровольную коллективность за пределами общины. Воспроизводимая им культура блокирует развитие понятия об общем интересе как интересе национальном, государственном. В своей потенции эта культура анархическая, что и проявилось наглядно в годы гражданской войны.

Советский коллективизм был «псевдо», потому, что не был добровольной, свободной самоорганизацией людей, а предписывался государством. Формирование отсутствующего в культуре понятия об общем интересе взяло на себя государство. Но при этом оно полностью монополизировало представительство этого интереса, транслируя его посредством административного и идеологического навязывания своих целей и задач. То был общий интерес, лишавший самостоятельного статуса интересы частные и групповые. Наше общество сегодня – это атомизированное общество, где горизонтальные связи возникают с трудом, в культуре которого отсутствует высокий статус интереса группового, консолидирующего людей и превращающего их в гражданское общество.

Таким образом, причиной торможения модернизации в России является её социокультурная специфика. Она связана, прежде всего, с господством в ней особой модели взаимоотношений общества, личности и государства, выступающей разновидностью моделей, характерных для традиционного общества, хотя и вступивших уже в эпоху своего разложения. Сами россияне очень хорошо понимают, что российская модель взаимоотношений общества, личности и государства имеет значительные отличия от западноевропейской, и уже, поэтому любые реформы по западному образцу в России невозможны.

При этом, с одной стороны, они в большинстве своём убеждены в необходимости реформирования страны, продвижения её по рыночному пути, но с другой – всё это не означает для них проведения реформ по западному пути развития. В последнем их не устраивает, прежде всего, иное понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо», отличающееся от западного приоритетом интересов общества, выразителем которых выступает государство, над интересами личности. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом отстаивать свои интересы, а государство как выразитель общих интересов должно, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности.

Это, конечно, принципиально иная модель взаимоотношений личности и государства, нежели существующая в Западной Европе, где государство заботится не об абстрактном «благе народа», а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом. Однако общественное сознание в сегодняшней России не монолитно. Правы те авторы, которые говорят о противоречии традиционалистского и либерального начал как базовой характеристики российского общественного сознания: около половины всех россиян можно отнести к промежуточному типу сознания [6]. А это означает возможность преодоления социокультурных ограничений и зависимости от особенностей исторического пути при усилении импульсов внешнего воздействия.

Применительно к процессу модернизации общества речь идёт, прежде всего, о мировом экономическом соревновании, проигрыш в котором России был важнейшим стимулом к её модернизации во все времена. Но если в XIX и XX вв. экономическое отставание осознавалось верхушечными слоями лишь после неудачных войн, то в 1980 гг. оно стало очевидностью в мирное время. Эта же тенденция может обозначиться в ближайшем будущем, когда станет явным отрыв России от стран, перешедших к постиндустриальной экономике, когда большая часть ВВП производится не в промышленности и сельском хозяйстве, а в сферах услуг, образования и производства интеллектуальных продуктов. С середины 1990 гг. «все западные страны вступили в полосу устойчивого роста информационного сектора экономики, ставшего основой хозяйственного прогресса». К концу 1990 гг. в США только «отрасли, производящие информационные блага, обеспечили треть прироста американского ВВП и 37 % всех новых рабочих мест». Если же говорить обо всей совокупности отраслей постиндустриальной экономики, то они обеспечили 70 % ВВП США и крупнейших стран ЕС [3, с. 71-76].

Одна лишь возможность сужения рынка сбыта энергетических ресурсов должна подстегнуть Россию к модернизации. Есть и другие стимулы её движения в этом же направлении – демографические, военные, экологические. Однако такой переход нельзя осуществить по традиционной для России модели мобилизационной, фрагментарной модернизации. Пётр I мог построить Петербург, согнав для строительства крепостных, и заставить их производить пушки на заводах Демидова. Сталин мог строить Беломорканал силами заключённых и даже разрабатывать новые самолёты в лагерных «шарашках», но переход к информационным технологиям невозможен за счёт мобилизационного напора. Такой переход требует массового добровольного и заинтересованного участия граждан, их креативности, раскрепощения индивидуальности и высокой интеллектуальной подготовки. Именно поэтому столь огромны вложения в образование постиндустриальных обществ.

Рост образования и поощрение творчества влекут за собой рост самоуважения человека и другие социально-политические следствия. Взаимосвязь между ростом самоуважения человека и изменением его гражданской позиции в России уже заметна.

Таким образом, проявление и усиление внешних вызовов может стимулировать в России перестройку всей системы общественных отношений и интересов. В стране уже накапливаются и внутренние факторы перемен, связанные, прежде всего, с потребностью какой-то части общества в самовыражении, самозащите, сплочении и социальном самоопределении. Эта потребность в сочетании с необходимостью перестройки экономики может стать началом нового этапа социально-политической модернизации России, при которой возрастёт роль общества как важнейшего элемента политической системы и осознание ценности человека и его жизни.

Литература

1. Архангельский В.Н. Стратегия демографического развития России. М.: Интерпрас, 2005. 402 с.

2. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
3. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Интерпрас, 2000. 312 с.
4. Милов Л. В Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демографической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1 2. СПб., 1999.
6. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 3-х т. Т. 3. М., 1993. С. 541-542, 558-559, 400.
7. Семенникова Л. И. Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 86-102, 1997. № 1. С. 75-83.
8. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. В 3-х т. Т. 2. СПб., 1999.
9. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху в России». М.: Наука, 1989. 385 с.
10. Яковенко И. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 47-56.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arkhangel'skij V.N. Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii. M.: Interpras, 2005. 402 s.
2. Vishnevskij A.G. Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR. M.: OGI, 1998. 432 s.
3. Inozemtsev V.L. Predely «dogonyayushhego» razvitiya. M.: Interpras, 2000. 312 s.
4. Milov L. V Prirodno-klimaticheskij faktor i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa // Voprosy istorii. 1992. № 4-5. Milov L. V. Prirodno-klimaticheskij faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 4.
5. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (KHVIII – nachalo KHKH v.). Genezis lichnosti, demograficheskoy sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva. T. 1 2. SPb., 1999.
6. Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya. V 3-kh t. T. 3. M., 1993. S. 541-542, 558-559, 400.
7. Semennikova L. I. TSivilizatsionnye paradigmy v istorii Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1996. № 6. S. 86-102, 1997. № 1. S. 75-83.
8. SHmurlo E. F. Kurs russkoj istorii. V 3-kh t. T. 2. SPb., 1999.
9. EHjdel'man N. YA. «Revoljutsiya sverkhv v Rossii». M.: Nauka, 1989. 385 s.
10. YAkovenko I. Pravoslavie i istoricheskie sud'by Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 2. S. 47-56.